

Обэриуты вошли в Париж

Александр Введенский,
полное собрание сочинений.
Париж, La Différence, 2002.
Переводчики: Жак Бурко,
Мадлен Лежен,
Кристина Зейтунян-Белоус

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Последнее и единственное издание Александра Введенского, осуществленное в 1993 году, уже стало библиографической редкостью. И вот теперь оно полностью продублировано в Париже на русском и французском языках.

Академик Раушенбах назвал Введенского самым крупным поэтом XX века. В нем он видел открывателя и создателя нового языка, обращенного прямо к подосознанию. Введенский входил в литературу после футуризма вместе с обэриутами Хармсом, Олейниковым, Вагиновым. Его называли «абсолютно безбытным». Где-нибудь в ссылке он сидел на единственную табуретку посреди пустой комнаты, вынимал из кармана тетрадь и тотчас начинал ее заполнять отчетливым убористым почерком. Несогласие Введенского с футуристами прежде всего в том, что те слишком легко оперировали понятием времени, называя себя будетлянами. Введенский говорил, что его интересуют только три понятия: Бог, Смерть и Время. Ни одно из них нельзя понять, если выразить словами. Есть поэма «Кругом возможно Бог», где «мир накаляется

Новые Известия
«Богом». Заканчивается поэма наиболее известными и популярными строками Введенского:

*Горит бессмыслицы звезда
она одна без дна.
Вербег мертвый господин
и молча удаляет время.*

Это он про себя. Оказавшись в тюремной камере, он начертал: «Наш календарь устроен так, что мы не ощущаем новизны каждой секунды. А в тюрьме эта новизна каждой секунды, и в то же время ничтожность этой новизны, стала мне ясной. Становится непонятным, что значит раньше и позже, становится непонятным все».

До сих пор неизвестно, как погубил поэт. В начале войны его тотчас снова арестовали, как неблагонадежного, этапировали куда-то, и он исчез. Есть смутные слухи, что на этапе его просто застрелили конвоир. У Введенского есть запись в дневнике, что его не покидает ощущение, что с минуты на минуту его повесят.

*Спи. Прощай. Пришел конец —
за тобой пришел зонц.
Он пришел последний час.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.*

Это редкий случай, когда можно процитировать, и все понятно. Приводить другие цитаты бесполезно. Они существуют только в контексте. Контекст Введенского — это полная невозможность смысла.

*В одном окне лишь виден мир
Стрела там свечка умных рыб.*

Что это означает? Это ничего не

означает. В этом-то все и дело — соприкоснуться с бессмысленным, необозначаемым.

*И открыв другую дверь
Эта дверь была волной
Я воскликнул громко: верь.*

Он неожиданен в каждой новой строке, хотя очень часто в пику футуристам прибегает к словесным клише типа рифмы «ты — цветы».

Введенский утверждает, что мир непонятен и бессмыслен даже в самых простых вещах. Непонятен стул, непонятен стол, непонятно окно. Он ищет в вещах не смысл, а бессмыслицу, чтобы уловить три самые бессмысленные реальности под именем троицы: Бог — Смерть — Время. Одна из самых последних вещей заканчивается восклицанием: «Ах, Пушкин, Пушкин!». Это реквием по былой осмысленности и безматематичности XIX века. Есть и лермонтовские мотивы:

*Няня демон спросил —
няня, сколько в мире сил.
Отвечала няня: дее,
обе силы в голове.*

В 30-х годах XX века в России все утратило какой-либо смысл. Утратило навсегда. И в этом Россия обогнала время. Сегодня найдется немало охотников вогнать Введенского в какую-нибудь новомодную систему типа запленивелого постмодерна. Так удобнее общаться. Свести неизвестное к общепринятому, а дальше расслабиться и получать удовольствие. С Введенским этот номер не пройдет. Конечно, он был постмо-

дернистом в том смысле, что работал с отработанным материалом, все с тем же Пушкиным. Но как работал!

*Исчезнувшее вдохновение
Теперь приходит на мновенье.
На смерть, на смерть
держи равнень
Певец и всадник бедный.*

Только не подумайте, что перед вами мрачный аскет и фанатик смерти. В тюрьме, в ссылке, на воле поэт всегда жизнелюбив, весел, жизнерадостен и женолюбив. Его донжуанский список намного богаче пушкинского. Он всегда влюблен и всегда страстно. Смерть интересует Введенского как навязчивая реальность. Вот в каком смысле обэриуты — объединение реалистов. Одним словом: «На обоих человек, а на блюдечек четверг». Читать Введенского все равно что добровольно сходить с ума, оставаясь в здравом уме и твердой памяти. Он, как Орфей, исследует самые потаенные углы адского лабиринта, а за ним мельтешит безумная Эвридика — поэзия XX века.